

ІНТЕРВ'Ю

Павел Михед: Гоголь в контексте русской и украинской культур. [Интервью Галины Ребель] // Филолог / Научно-методический, культурно-просветительский журнал Пермского государственного педагогического университета : интернет-журнал. – 2012. - Вып. № 18.

Выпуск № 18 > Гоголь в контексте русской и украинской культур

Павел Михед: Гоголь в контексте русской и украинской культур

*Павел Владимирович Михед –
украинский ученый-
литературовед.
Главная тема его научных
исследований –
творчество Н.В. Гоголя или – шире –
феномен Гоголя, явление Гоголя
в русской и украинской культурах.*

*Об этом мы и беседовали –
во время последней встречи
на конференции в г. Саки в сентябре
2011 г.
и заочно, в ходе переписки.
Так родилось это интервью.
Г.Р.*

– Павел Владимирович, в своем докладе Вы размышляли о творчестве Василия Гоголя-Яновского как одном из истоков гениальности его сына, Николая Гоголя. По Вашей логике, Яновский оказался на стыке двух культурных эпох и это не дало ему возможности в полную силу раскрыть свой драматургический дар.

Но сын его тоже оказался на стыке – русской и украинской культур. Не это ли, вкупе с природным даром, предопределило характер его творчества и сделало его художественным гением? В связи с этим – как бы Вы оценили роль Гоголя в русской и украинской культурах?

– Я хочу предварить свои ответы замечанием о том, что мои соображения и тезисы могут не совпадать с общепринятыми, поэтому я готов к дискуссии и призываю Вашего читателя к терпимости.

Гоголя сегодня читает весь мир, во многих странах сложились мощные научные школы, произведения писателя не утратили актуальности: достаточно посмотреть на многочисленные цитирования в постмодернистских текстах. Есть классика мертвая, а есть живая. Гоголь – живой классик, он продолжает завораживать читателя. Его творчество столь многогранно, что в различные эпохи актуализировались отдельные грани гоголевского наследия. Для литературы второй половины XIX века – он писатель-реалист, для начала XX века – метафизик, мистик, символист, для советской эпохи – сатирик, а в постмодернизме – он парадоксалист и даже один из персонажей.

Определяя природу своего времени, Гоголь вывел формулу: «Мир в дороге». Сегодня говорят даже о новом великом переселении народов. Мир в предощущении перемен, а значит – новых преобразований, невозможных без потрясений.

И Гоголь созвучен нашему времени.

Что касается влияний, то это вопрос сложный и тонкий, но я попробую сформулировать свое мнение. Если посмотреть на роль Гоголя и его творчества в исторических судьбах России и Украины, то она выглядит довольно непростой, здесь есть свои *pro et contra*. Гоголь был не только великим создателем, но и великим разрушителем. Такова природа гения. Гений предлагает новые пути, разрушая, как правило, то, что, по его мнению, мешает движению. Сразу замечу, что Гоголь входит в канон не только русской, но и украинской литературы. Другое дело, что функционирование гоголевского эстетического и философского ядра имеет свои принципиальные отличия.

Если говорить о России, то можем смело констатировать, что Гоголь оставил глубокий след в ее историческом бытии. Он был едва ли не последним из великих украинских миссионеров, поход которых на Москву начался еще с середины XVII столетия и имел целью интеллектуальное укрепление православной империи, которая выдвигалась из Киева твердыней православного христианского мира. С Запада наступал католицизм, и киевские интеллектуалы видели в Москве опору Православия, пытались идеологически вооружить его в противостоянии с католической церковью.

С другой стороны, русская элита, пережив унижения в соперничестве с Польшей в начале XVII века, постепенно разворачивалась лицом к Европе и Киев становился проводником европейской учености. Интересы обеих сторон совпали: так начинался процесс, который Трубецкой назвал «украинизацией» Москвы. Гоголь был одним из тех последних, кто возлагал большие надежды на Россию. Книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь предложил новый проект (как сказали бы сейчас) развития русского государства на основаниях обновленного христианства. Апостолом этого нового христианства Гоголь видел себя.

Но гоголевский «проект» был осмеян и подвергнут жесточайшей критике.

Между тем Гоголь усилил мессианские устремления русских в новое время. Россия была выбрана Гоголем как масштабное пространство христианского мира, нуждающееся в обновлении веры. Самочинное апостольство – а я полагаю, что есть основания именно так оценивать и квалифицировать стержневой вектор жизни писателя и христианского мыслителя, – Гоголь решил реализовать именно на русском пространстве. Россия по своим масштабам отвечала грандиозности его замысла. Это была попытка воплощения православной редакции «нового христианства». Своего рода контрреформация, имевшая целью преображение православного мира.

– Это апостольство было личным мироощущением, следствием художественной одаренности или результатом каких-то объективных событий, впечатлений, внешних влияний?

Начало его заложено было еще до рождения Николая Васильевича, или Никоши, как называли его домашние. Если быть точным, то даже до женитьбы родителей Гоголя – Марии Ивановны Косяровской и Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского. Об этом сюжете рассказала в свое время Мария Ивановна в письме к С. Аксакову.

Напомню основные события этого «сюжета». Речь идет о мистическом предвидении, о сне, который приснился Василию Афанасьевичу в отрочестве. Ему приснилось, что он «стоял в храме по левой стороне; внезапно царские врата открылись, и вышла царица в порфире и короне и начала говорить к нему словами: “Ты познаешь много болезней... но все минет – ты исцелишься, женишься, и вот твоя жена”. И он увидел подле ее ног дитя, сидевшее на полу, и черты его запечатлелись в памяти». Василий Афанасьевич призабыл этот сон, но как-то в местечке Ярьсках, куда семейство ездило на молебен в церковь, он увидел в доме тетки будущей жены на руках у кормилицы семимесячного младенца и ясно рассмотрел лицо, на которое во сне указывала Богородица. Он никому не рассказал об этом, но начал часто бывать в доме и охотно играл с ребенком, удивляя взрослых своим энтузиазмом. Когда будущей жене должно было исполниться четырнадцать лет, Василий Афанасьевич увидел «тот самый сон в том самом храме, но не царские врата открылись, а боковые алтарные, и вышла дева в белом платье с сияющей короной на голове, красы неопишуемой, и, указав в левую сторону, сказала: “Вот твоя невеста”. Он оглянулся и увидел девочку в белом платье, сидевшую за работой перед маленьким столиком и имевшую те же самые черты лица». После этого Василий Афанасьевич попросил руки Марии Ивановны. Об этом «сюжете» часто говорили в семье, о нем не раз упоминал Гоголь. Именно в нем, по моему мнению, истоки идеи избранности.

На этом события, направлявшие Гоголя к идее избранности и особого предназначения, не завершились. Двое первых детей родились мертвыми. Тогда Мария Ивановна дала обет перед чудотворным образом Николы Диканьского: если родится сын, назвать его Николаем – в честь святого. По словам сестры Ольги, писатель «любил вспоминать о том, почему его называли Николаем». Он был вымоленным у Господа дитем.

В возрасте девяти лет умер брат Иван. И в религиозном сознании Гоголя, который был глубоко верующим человеком, появилась (не могла не появиться) сакральная мысль: «Господь отчего-то благоволит к тебе, не случайно Он оберегает тебя. Ты избранник Божий». Вот где, на мой взгляд, корни гоголевского апостольства. Он на протяжении всей жизни ощущал свое особое призвание. Не этим ли объясняется его замкнутость, таинственность, определенная отстраненность (с точки зрения посторонних), иногда высокомерие. О чем вспоминают многие мемуаристы. Отсюда, к слову, и Рим: «столица апостолов». Оттуда распространялось христианство по римской империи. А главный диалог жизни Гоголя — диалог с Господом, причастность которого ко всем своим делам он никогда не ставил под сомнение.

Признание же писательского таланта лишь укрепляло его в вере, ибо «слово было у Бога, и слово было Бог». Писатель, владеющий словом, создает свой мир. Он в этом уподобляется Создателю, он призван Богом. Пророческим жаром дышит русское слово в первую половину XIX века. Напомню гоголевские слова из «Авторской исповеди», где он, объясняя провал «Выбранных мест», замечает: «Если бы не завещание, которое я поместил довольно неосторожно, в котором намекал о поучении, которое обязан дать всяк автор поэтическими созданиями своими, никто бы и не вздумал мне приписывать этого

апостольства, несмотря даже на решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи». Т.е., причиной были апостольские устремления. Что Гоголь лишь подтвердил.

– Что это дало русской культуре?

– Во-первых, настоящий Гоголь начинается с констатации мысли о невозможности дальнейшей полноценной жизни в условиях омертвления человеческой души. Начиная с «Ревизора», Гоголь закладывал в глубины русского сознания идею перемен, которая с годами только разрасталась и актуализировалась, завершившись катастрофой 1917 года. Хотя сам Гоголь видел и проповедовал иную форму обновления мира – через личностное самосовершенствование и спасение верой. Идея эта оказалась раздражающей и не сработала. Не в последнюю очередь потому, что поставила перед каждым непосильное задание, особенно перед теми нетерпеливыми, чья эгоцентрическая уверенность в своей праведности была непоколебимой. С этим мы «благополучно» дожили до сего дня. И этим, к слову, Гоголь актуален не только для россиян, потому что по-прежнему злободневна проблема духовного самостояния человека. Это универсальная проблема.

Во-вторых, Гоголь привил русскому обществу острое и животворное переживание христианского чувства. Правда, осознание этого пришло позже. Однако о своих идеях, изложенных в «Выбранных местах», Гоголь вынудил говорить все российское общество. Книга никого не оставила равнодушным. Еще, кажется, Гершензон отметил, что полемика вокруг «Выбранных мест» была первой в истории России общенациональной дискуссией. И хотя приговор был отрицательным, он не был всеобщим. И уже последующие поколения стали проявлять живой интерес к этой трагической книге, которая сегодня, на очередной волне «нового средневековья», переживает второе рождение. Гоголь оптимизировал русское державное сознание, придал ему веру в великое будущее народа и до сегодня русские пьют из этой чаши, его птица-тройка стала своеобразным символом этих устремлений. Таков позитив в самых общих чертах.

– А в чем негатив?

– А давайте отстраненно посмотрим, какой предстала Россия в его произведениях. Возьмите «Мертвые души», «Ревизор»... Разве такой была Россия, великая империя, которая уже после антинаполеоновской кампании нависла над Европой, заставив считаться с собой? Посмотрите на архитектуру Петербурга, на литературу (поэзию Державина, «Медного всадника»). Высокая торжественность столицы отвечала сакральному духу империи, ее Царь – помазанник Божий... И в этих пафосных и высоких сферах как диковинная комета засветился смех Гоголя, от которого великая империя на глазах начала терять свое величие. Империя оказалась в зоне смешного. Смех в русской культуре – явление маргинальное. Русская культура до Гоголя по своей природе серьезна и угрюма. География такая, вынуждала бороться за жизнь. Не до жиру... Как говорил Пушкин, «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло»... Искристый смех Гоголя, который от шуток первых повестей перешел в «Ревизоре» к высмеиванию имперских институтов, соблазнил и покорила Россию. После Гоголя стало модно смеяться надо всем. После премьеры «Ревизора» Николай I скажет, что досталось всем, а ему больше всех...

Это было не только великим освобождением из темноты угрюмости. Вместе с Гоголем в русскую литературу проникает полуденная волна света и смеха. Как говорил И. Аксаков, Гоголь «заставил всю Россию смеяться по своему произволу».

Но, может быть, лишь Василий Розанов, гениально чувствовавший собственно русскую материю жизни, с самого начала своего творчества объявил Гоголю настоящую войну, не соблазнившись прелестями его стиля. Он всю жизнь боролся против Гоголя, с первых своих статей. Я напому некоторые его высказывания: «Появление Гоголя было большим несчастьем для Руси, чем все монгольское иго»; «Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля, после чего корабль стал разваливаться, он “открыл кингстоны”, после чего началось неудержимое, медленное, год от года потопление России»; «Нигилизм не мыслим без Гоголя и до Гоголя». Думаю, более чем достаточно. Розанов тонко подметил опасность гоголевского смеха, который подтачивал Россию изнутри. Любопытно, что одну из причин этого Розанов (и не только он) видел в этническом происхождении Гоголя. В письме к П.Б. Струве в феврале 1918 года он писал: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: ты победил, ужасный хохол». Замечу, что Гоголь в какой-то миг и сам испугался, осознал деструктивный пафос своего творчества, и тогда началось покаяние, длившееся до самой смерти. Но «написанное пером»... жило своей жизнью.

Не думаю, что у Гоголя было какое-то сознательное намерение подорвать Россию изнутри (такую мысль можно встретить и в научных статьях), хотя понятно, что освоение чужого мира всегда порождает противоречия и конфликты. Россию Гоголь называет «духовной отчизной», но при этом в «Выбранных местах» говорит: «...я близкий родственник вам всем». Он признает общность «породы», однако не отождествляет себя с читателем. Его позиция – над.

– Ну, а украинская культура что, с Вашей точки зрения, получила от Гоголя?

– В отношении Украины все тоже не так просто, как может показаться и как иногда утверждают, видя в Гоголе сознательного автономиста, ссылаясь при этом на «Размышления Мазепы», где герой говорит: «Но чего можно было ожидать народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим козацеством, хотевшему пожить своею жизнью?» Это лишь слова персонажа несостоявшегося произведения. Правда, Мазепа хоть так присутствует, а вот Богдану не повезло... Нет его. Загадка. С историческим вектором украинского национального бытия был свой конфликт. И тоже сущностный, что называется.

С одной стороны, Гоголь первым создал образ Украины. И пластический, и духовно-психологический.

До сих пор представление об Украине складывается под влиянием Гоголя. Тут и смех, и печаль, и тайна мистических сил, и отвага и жертвенность казацких рыцарей. Иностранцы до сих пор видят Украину глазами Гоголя. Думаю, и в России тоже. Михайло Грушевский считал Гоголя «одним из наигениальнейших людей, которых дала

Он стал «энтузиастичным певцом украинской жизни» и «осыпал роскошными цветами творчества Украини, которая представлялась ему дорогой, прекрасной (но отметьте – П.М.) покойницей». Мысль Грушевского, вероятно, идет от статьи Гоголя «Про малороссийские песни», в которой он писал, что народные песни — «надгробный памятник былого, более, нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с исторической надписью...»

То есть для Гоголя это все было в прошлом. Для него прекрасная Украина была «покойницей». Это важно понять. Его исторические сочинения — это попытка запечатлеть и спасти то, что утрачено, казалось ему, навсегда. «Тарас Бульба» был гениальной поэмой-тризной по великому прошлому его народа. Гоголь обратился к сюжету из истории казаческой Украины, ощущая зов предков, а среди них в роду Гоголей — гетманы Дорошенко и Скоропадский, а еще — Лизогубы, Забилы и другие украинские шляхетные роды. Даже — вы не поверите! — Иван Мазепа. Это повесть-прощание. Гоголь, возможно, и не предвидел эффекта, который будет иметь его «отпевание» Украины. Свернутая и сконденсированная в миф великая история была оживлена гением Гоголя и в новую эпоху вселилась (чего Гоголь и не предвидел) в украинское национальное сознание, которое уже начало активно формироваться. Ведь Тарас Шевченко был современником Гоголя, хотя они и были людьми разных эпох. И в этом нет противоречия. Гоголь, в отличие от Шевченко, не принял романтическую идею нации, дробившую мир. Здесь важно понять, что у оснований украинской идентичности — казацкий миф. А миф никому не уничтожить. Гоголь влил в него новую жизнь, сделал это гениально и на века. Уже после смерти писателя в самые темные периоды национального бытия «Тарас Бульба» будил украинское сознание, напоминая о подлинно великом прошлом. Украинец получал в этом эпосе могучую опору, получал то, чем мог гордиться. Его национальную самобытность защищали и рыцари Гоголя. Описанные мною заслуги Гоголя — основание для того, чтобы его творчество стало национальным достоянием. И вторая редакция повести «Тарас Бульба» читается в Украине совсем иначе, чем в России, так что недавняя киноэпопея в Украине воспринималась несколько пародийно, а в наиболее трагических сценах не без улыбки. Миф разрушить никому не под силу, напрасны усилия. Среди соперников, разбудивших украинское национальное самосознание, только Шевченко. Я бы мог привести десятки свидетельств видных деятелей украинской культуры, которые вдохновлялись Гоголем. Что еще важно подчеркнуть? Гоголь оказал огромное влияние на украинскую литературу. Каждый раз, когда история дарила шанс национального пробуждения, осознания самобытности (в XX веке — двадцатые, шестидесятые и девяностые годы), с удивительным постоянством актуализировался Гоголь. Многие явления украинской литературы появлялись на свет «с именем Гоголя на устах» (химерный роман, например, или бубабисты — группа молодых литераторов из Западной Украины). Без Гоголя нельзя понять многие явления украинской литературы.

С другой стороны, жизненный путь Гоголя и его наследие объективно сыграли далеко не консолидирующую роль в развитии украинского национального сознания. Скорее наоборот, ослабляли национальную энергию. Гоголь, как утверждал один из проницательных его критиков Евген Маланюк, стал «зачинателем мифа “Руси-России” и представителем “политического малороссийства”». С точки зрения россиянина, Гоголь — образцовый малоросс, который не стал особенно переживать по поводу того, какая у него душа... Да и масштабы пленили. К слову, и не одного его. В этом отношении Гоголь — как Путь — неприемлем, конечно, для украинца, стремившегося выразить себя. Таков вектор национальной жизни народа — выразить себя. И именно как Путь он чаще всего пропагандируется и в России, и нашими доморощенными малороссами. Он соблазнил и соблазняет многих искать славу и признание на просторах России. Ценой отказа от самих себя.

Классик украинской литературы И. Нечуй-Левицкий как-то сказал: «В каждом украинце спрятан маленький Гоголь, который, при благоприятных условиях, выходит наружу». Звучит как диагноз.

– На той давней киевской конференции, на которой мы с Вами познакомились, настойчиво звучала мысль об украинском первородстве Гоголя-художника, о принадлежности его украинской культуре и – более того – об ущербе, который был нанесен его психике и таланту переселением в Петербург. Насколько популярны сегодня в украинском литературоведении такие идеи и как к ним относитесь Вы?

– Первая часть вопроса у меня не вызывает никаких возражений и спорить с этим вряд ли кто-либо отважится. Я напому слова В.Белинского из рецензии на «Петербургский сборник»: «У Гоголя не было предшественников в русской литературе, не было (и не могло быть) образцов в иностранных литературах». В начале XX века В. Перетц скажет, что Гоголь явился завершением предшествующего развития украинской литературы. Тем самым дав ей новую жизнь. Гоголевское барокко именно оттуда ведет свое начало. А именно оно и определяет своеобразие гоголевского гения.

Что же касается «ущерба», то это из области гаданий. Самый большой фантазер не может представить, как сложилась бы судьба Гоголя-писателя, Гоголя-мыслителя, если бы ему удалось вместе с Максимовичем уехать в Киев, куда он стремился. Наверное, это был бы другой Гоголь. И в этом смысле ужас Набокова от того, что Гоголь мог стать украинским писателем, не лишен смысла. С другой стороны, если мы представим, что он нашел искомое в Петербурге, рассказы об «ущербе» – досужий вымысел.

Но тогда без ответа остается вопрос, а почему же он оттуда бежал на Запад и «полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию! Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня. Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – все это мне снилось. Я проснулся опять на родине, как будто с целью всемогущая рука провидения бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем, и весь впился в ее роскошные красоты. Она заменила мне все».

Согласитесь, о духовном уюте Петербурга здесь речь не идет. Какой же была степень «ущерба», измерить невозможно. Тем более, что, как это часто бывает, у Гоголя, находим и другие отзывы об этом городе, где остались дорогие писателю люди. Об этом он пишет М.Максимовичу: «Мне оставить Петербург не то, что тебе Москву: здесь все, что дорого, что было мило моему сердцу; люди, с которыми я сдружился и которых алчет душа; все, что привычки сделали еще драгоценнейшим».

Мысль Гоголя требовала огромных масштабов, потому он оказался в Риме, где «родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде, чем я родился на свет». Гоголя трудно

представить в роли тихого обывателя не только в Киеве, но и в Петербурге. И даже в Москве. Апостольство требовало Рима...

– Павел Владимирович, под Вашим руководством было подготовлено и выпущено в свет собрание сочинений Гоголя на украинском языке. С какими трудностями Вы столкнулись в ходе работы над переводом? Легко ли поддавался Гоголь, в частности его «Вечера на хуторе близ Диканьки», такому переводу? Ведь одна из особенностей гоголевского стиля – использование украинских языковых «красок», а при переводе они неизбежно исчезают. Как Вы выходили из положения в таких случаях? Приведите, пожалуйста, примеры.

Во-первых, Гоголя начали переводить на украинский еще при жизни писателя. Это была все та же повесть «Тарас Бульба». Существует около двадцати переводов этой повести. На протяжении более полутора столетий сложилась традиция своеобразной «украинизации» переводов повести. Это не вчера началось. Не в независимой Украине. Вечная дилемма переводчика: какой должна быть мера освоения переводимого текста? Вот Жуковский переводил Байрона, а вышли очень русские тексты, с которых начался русский романтизм.

Но медиа в России и русские издания в Украине подняли несколько волн критики, доходившей до личных оскорблений переводчиков и издателей (посмотрите на статьи А.Воронцова на стр. «Литературной газеты»). А И. Золотусский на одном из круглых столов требовал правительственного вмешательства. Такое впечатление, что произошло что-то из ряда вон, затрагивающее основания государства российского. Уверен, что это лишь повод. А причины в политической сфере, которой я не буду касаться.

Нужен ли перевод Гоголя на украинский? А почему нет! Перевод – это ведь и форма интерпретации текста. Выходит, филологи против интерпретации? Тогда мы не филологи, а политиканствующая братия советского разлива. Напомню, что автор первого системного труда, посвященного языку Гоголя, проф. И.Мандельштам в работе «О характере гоголевского стиля» (1902) пишет, что Гоголь просто переводил с украинского. Уже этого достаточно для того, чтобы отнестись со всей серьезностью к переводу. Но вместо этого: запрещать и не пущать. Теряет ли

Гоголь при
переводе? Да, как и любой писатель.
Теряют Гете и
Шекспир. Гения Пушкина Запад до
сегодня понять
не может. Даже Набоков оказался
бессилен.

Приобретает ли гоголевский текст на украинском новые коннотации, смыслы? Да. Я с уверенностью говорю это.

Но для этого надо знать украинский язык. Хотя немного. Приведем фрагмент описания летнего дня из «Сорочинской ярмарки» в надежде, что у ваших читателей хватит терпения ощутить звучание украинской речи:

Який п'яний, який розкішний літній день в Україні! Які томливо гарячі ті години, коли полудень блискоче в тиші і спекотняві і голубий незмірний океан, що солодково-пристрасною банею нагнувся над землею, здається, заснув, занурившись в ніжний спокій, обіймаючи і стисткуючи прекрасну в повітряних обіймах своїх! На ньому ні хмаринки. В полі ні звуку. Все начеб вимерло; вгорі лишень, в небесній глибині, тремтить жайвір, і сріблясті пісні летять повітряними сходишками на закохану землю, та іноді скрик чайки або дзвінкий голос перепела відлунює в степу. Ліниво і бездумно, ніби прогулюються без мети, стоять піднебесні дуби і сліпучі удари сонячних променів запалюють цілі живописні маси листя, накидаючи на інших темну, як ніч, тінь, по якій лише за сильного вітру прискає золото. Смарагди, топази, яхонти ефірної комашні сипляться над строкатими городами, котрі підсвічуються статечними соняшниками. Сірі копиці сіна і золоті снопи хліба станом розташовуються в полі і кочують по його незмірності. Нагнулося від ваги плодів широке пагілля черешень, слив, яблунь, груш; небо, його чисте свічадо - ріка в зелених, гордо піднятих рамах... так сповнене солодким трепетом і ніжністю українське літо.

[Для сравнения приведем оригинал – Г.Р.]

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

В чем суть проблемы гоголевского языка? Украинские ментальные представления воплощены Гоголем в когнитивных моделях русского языка. Другими словами, украинская картина мира воплощена в системе другого языка, которого, живой его извод, Гоголь до Петербурга не слышал. Возникает эффект своеобразного сдвига всей языковой системы. Русское слово под пером Гоголя приобретает несколько смещенную коннотацию. Гоголевский язык – это своеобразный идиолект русского языка, поэтому он, по словам А.С. Орлова, «почти недоступен великорусскому подражанию». И причина, по мнению ак. Булаховского, который приводит цитату Орлова, в том, что «сама сатирическая манера Гоголя, характер его юмора, его художественные приемы вообще и языковые в частности – своими корнями глубоко уходят в другую национальную почву». Перед филологами – уникальный опыт, который должен быть исследован и путем перевода, и, как говорят, путем обратного перевода. Так что оснований для дипломатических демаршей и правительственных нот, кажется, нет.

– А есть ли, с Вашей точки зрения, в современном гоголеведении прорывные работы, по-новому открывающие художественный мир писателя?

– Мне трудно определить, что Вы имеете в виду под словами «современное гоголеведение», какие временные рамки. Если брать с начала 90-х, то в разрезе обсуждавшихся проблем назову книги Ю.Барабаша. Новый ракурс видения дали работы В.Воропаева, Е.И. Анненковой, И.Виноградова, а из зарубежных – М.Вайскопфа; наконец, появилась научная биография Гоголя, написанная Ю.Манном. Но этим не исчерпывается список новаторских работ.

– Павел Владимирович, разделяете ли Вы точку зрения исследователей, которые убеждены в том, что художника невозможно понять, не исповедуя его символ веры, т.е. не будучи, например, христианином (или мусульманином, или иудеем)?

– Я понимаю Ваш вопрос, в котором скрыты интертекстуальные аллюзии. Знать христианское учение (ислам, иудаизм) исследователь, изучающий христианские (исламские, иудейские) основания творчества писателя, должен, но исповедовать – едва ли обязан. Он может быть и атеистом. Рецепция и интерпретация его в любом случае тем и интересна, что это неповторимый опыт рецепции. В «единомыслии» мы с вами уже побывали.

– В завершение хотя бы несколько слов о радостном событии в Вашей собственной научной биографии – о присуждении Вам премии «Н.В. Гоголь в Италии», вручение которой состоялось в Риме, на вилле Медичи. Как все это было?

– Наверное, как и любая премия – это приятный сюрприз. Искренне Вам скажу, что вначале я воспринял это как розыгрыш, но оказалось правдой. Приятно оказаться в компании с Юрием Любимовым, Ириной Антоновой, Андреем Битовым и моими земляками – Богданом Ступкой и Сергеем Якутовичем. А оказаться поздней осенью в цветущем Риме, где +25 – огромное удовольствие. Стремление Гоголя попасть в Рим становится понятным. Были интересные встречи и беседы с итальянскими коллегами, с Ритой Джулиани, которую в России знают как лидера итальянского гоголеведения. И, конечно, Рим – город-музей. Очень приятно, что иногда твой труд замечают.

*Фотографии сделаны на Международном симпозиуме
в г.Саки (Крым) в сентябре 2011 г. – Г. Р.*